

Пеетер ВАРЕС*

О ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТОЛОГИИ

В теоретических разработках идеологов коммунизма политика как сфера общественной деятельности, в центре которой находится вопрос о государственной власти, неизбежно должна была исчезнуть вместе с самим государством на последних стадиях строительства светлого будущего человечества. Казалось, что массовое сознание тоталитарного общества некритически воспринимало данную перспективу и «на переходном этапе» согласилось с тем, что все виды политической деятельности сведены к директивному руководству во всех областях общественных отношений: экономической, культурной, социальной и других. Однако, когда весной 1985 г. в СССР по инициативе новых лидеров Коммунистической партии было прервано линейное развитие общества, принявшего псевдосоциалистический характер, и был объявлен курс на перестройку и гласность, обнаружилось, что в свое время поторопились отнести политику на задворки истории, поскольку именно политика вновь приковала к себе внимание всех слоев общества и будто по мажору волшебной палочки превратилась в одну из главных сфер приложения их социальной активности.

В Эстонии политическая активность масс получила бурное развитие начиная с весны — лета 1988 г., когда по инициативе интеллигенции началась широчайшая кампания против сохранения в республике режима стагнации и один за другим были вынуждены уйти с политической арены представители административно-командного аппарата, поставленные у власти союзным руководством. В массовом общественно-политическом движении «Народный фронт Эстонии» довольно скоро обозначилось стремление к восстановлению и развитию демократических принципов Эстонской Республики, переставшей существовать в результате военно-политического переворота летом 1940 г. В республиках Прибалтики, особый политический статус которых в рамках советского государства на протяжении полувека отмечала международная общественность и правительства большинства стран Запада, еще не были забыты два десятилетия государственной независимости и парламентского устройства. Единственной прежде Коммунистической партии Советского Союза в лице КП Эстонии были реально противопоставлены новые и возрожденные политические движения, объединения и партии.

Однако на смену ликования первых дней и месяцев, получившему почти идиллическое название «поющей революции», пришли сначала будни реализма, а затем и тяготы суровой действительности. Развитие национально-демократического процесса неизбежно привело к острому противостоянию коренного и русскоязычного населения и жесткой политической конфронтации республики и центра. За короткое время в общественно-политической жизни Эстонии проявились все аспекты кризиса псевдосоциалистической системы советского государства: политический, конституционный, экономический, социальный, кризис доверия.

* Eesti Teaduste Akadeemia Filosoofia, Sotsioloogia ja Õiguse Instituut (Институт философии, социологии и права Академии наук Эстонии). 200 105 Tallinn, Estonia pst. 7. Estonia.

Центр, провозгласивший перестройку и объявивший о гласности, озонав реальную угрозу полной утраты власти над республиками, пошел на попятную: перестройка — да, но в определенных границах, гласность — да, но в рамках того социализма, каким он представляется в центре, ликвидация «белых пятен» — да, но не обнародование «черных», самостоятельность республик — да, но в пределах, отведенных конституцией СССР, косметические поправки к которой в период перестройки не смогли затушевать в ней «демократического» облика основного закона, введенного еще во времена диктатуры Сталина и осовремененного в период альянса Брежнева и Суслова.

По сути дела восторжествовала двойная мораль: с одной стороны, декларативное признание центром республиканского суверенитета, а с другой — принятие мер, направленных на его подавление. Вопреки провозглашенной Верховным Советом СССР свободе слова, часть прессы пошла рука об руку с правительством центра на зажим и искажение распространяемой информации. Вербальная поддержка союзным руководством возникающих массовых демократических движений обернулась попытками ввести их в необходимое для восстановления авторитарных порядков русло. На представленном фоне уже не кажется «случайным рецидивом» пресловутое заявление ЦК КПСС о положении в республиках Прибалтики от 26 августа 1989 г., в котором духовное единство литовцев, латышей и эстонцев объявлялось проявлением оголтелого национализма и экстремизма. Скорее всего это был пробный камень реализации программы контрдействий борьбе народов за независимость, сначала завалированных, а впоследствии открытых, жестких и бескомпромиссных, апогеем которых стало решение национальных и политических проблем в стране посредством штыков и автоматов.

Образ вдохновителя перестройки М. Горбачева в результате невероятных метаморфоз, авторитетно объяснявшихся центристскими убеждениями, резко потерял былую привлекательность. Однако, лишившись всенародной поддержки дома, советский лидер некоторое время сохранял симпатии к себе за рубежом, поскольку «новое мышление», незаметно канувшее в прошлое во внутренних делах советского государства, пока еще получало ощутимое подкрепление во внешней политике Советского Союза. Но обостренное внимание международной общественности именно к внутренней политике советского государства, проводимой союзным центром явно под мощным давлением министерств обороны и внутренних дел СССР, как, впрочем, и других сил, действующих за кулисами парадной политики, пошатнуло и эти позиции. И особенно тогда, когда в январе 1991 г. в отношении балтийских республик с традиционно высоким уровнем политической культуры, явившимся основой для ведения политического диалога (кто сказал, что он может быть легким и скорым?), была применена тактика грубой силы.

Кто же действительно делает нынешнюю внутреннюю политику в СССР? Чем руководствуются его лидеры, предпринимая акции, противоречащие законам общественного развития или пытающиеся исползовать их частично, наивно предполагая, что такие попытки увенчаются успехом? Как ни парадоксально, в самые мрачные годы застоя на подобный вопрос было легче ответить: политические и военно-политические решения принимались, коллегиально ли, келейно ли, исключительно в Политбюро ЦК КПСС. Сейчас механизм принятия таких решений сильно затуманен, как, впрочем, обезличена и разработка многочисленных политических документов общегосударственного значения. Анонимной остается режиссура таких акций, как политический нажим, экономические санкции, информационная блокада, поддержка различного рода антиконституционных государственных образований, подобных феномену самозванных «комитетов национального спасения» в При-

балтике. Создается впечатление, будто все они позаимствованы для внутрисоюзного пользования из арсенала внешнеполитических доктрин мирового империализма, в свое время охаянного нынешними исполнителями-коммунистами. Перенята даже идея американских сил быстрого реагирования в мире: в Советском Союзе эту роль взяли на себя отряды милиции особого назначения. Будучи наполнены принципиально иным содержанием, одолженные эти формы возымели действительно чудовищный характер и обернулись примитивным насилием, войной против собственного народа.

В детализованных определениях научного понятия политики существует такой общепризнанный момент как «соблюдение баланса интересов». Страны с развитыми демократическими традициями пришли к нему после множества горьких уроков истории соотношений между целями и результатами в организации общественной жизни. Стране же, на собственном опыте и опыте бывших вассалов — стран «социалистической ориентации» — убедившейся в неэффективности решительной ломки всех политических, экономических и административных структур нормально функционирующего государства в пользу защиты интересов только одной из сторон, как было, например, в России после Октябрьской революции 1917 г., казалось бы, это особенно должно быть понятно. Увы! Инерция идеологической конфронтации с Западом, в сущности сохраняющаяся до сих пор, но уже под более мягким определением «разногласий», долгое время не давала ни откровенно признаться в своих ошибках, ни обратиться к конкретным знаниям в поисках выхода из тупика, которые в достаточной мере можно было почерпнуть в огромном научном материале, разработанном учеными-специалистами в странах Европы и мира. Почти смехотворным представляется сегодня тщательное противопоставление синонимов «политические науки» и «политология» по социалистическим и буржуазным признакам, практиковавшееся в СССР с 1960 г., когда была создана Советская ассоциация политических (государствоведческих) наук. Лишь 4 ноября 1988 г., когда, наконец, как цветы запоздалые, пришло постановление Государственного комитета СССР по науке и технике, политология, наука о политическом устройстве государства и его функционировании в системе международных отношений, была признана в СССР де-юре. Следующим логическим шагом на этом пути стало переименование 5 февраля 1991 г. Советской ассоциации политических наук в Советскую ассоциацию политологов. Таким образом в СССР окончательно утвердилась наука, которая в современном понимании возникла еще в XIX в. и родиной которой считаются США, однако к этому времени совсем не «смешная история» успела обернуться одной из причин многих наших бед.

Опала, в которую попали все отрасли науки, которые могли пролить свет на волюнтаристскую политику и вопиющую некомпетентность советского руководства, полностью игнорировавшего или по своему усмотрению толковавшего социально-политическое развитие государств, на протяжении многих десятилетий блокировала прогресс в науке, равно как и разработку и введение в практический оборот новых теорий и положений. Насилие над наукой привело к деформации самих ее основ: обществоведам для того, чтобы выжить, приходилось заниматься абстрактными категориями и псевдопроблемами, попутно отвергая буквально все созданное их коллегами в других странах мира. В жертву молоху марксизма-ленинизма приносились не только оригинальные идеи и методы, но и такие очевидные понятия, как, например, политический реализм, характеризуя который выдающийся американский политолог Ганс Моргентау сказал: «Политический реализм предполагает, что политикой, как и обществом в целом, управляют объективные законы, имеющие корни в человеческой природе. Для того, чтобы усовершен-

ствовать общество, сначала необходимо понять законы, по которым общество живет <...> Человеческая природа не изменилась с тех самых пор, когда классические философии Китая, Индии и Греции пытались раскрыть эти законы. Поэтому новшество вовсе не является добродетелью в политической теории, а солидный возраст, в свою очередь, не недостаток <...> Политическая теория подразумевает выявление фактов и придание им через причину (разум) значения <...>»¹.

К тому времени, когда советские обществоведы еще только начали проповедовать положения политических трудов Л. И. Брежнева, приписывая социалистическому государству и его идеологу — КПСС самые невероятные добродетели, давно были сформированы серьезные школы западной политологии (Ганс Моргентау, Карл Дойч, Клаус Кнорр, Раймонд Арон, Клаус фон Бёмэ и многие другие), которые изучали среди прочих и такие понятия, как справедливость, законность, стабильность, суверенитет, международная мораль, демократия, политические институты и механизмы, а также другие основы политических отношений, которые в советском государстве приняли весьма и весьма уродливый характер.

К середине 70-х годов политология приобрела популярность во всем мире, ученые-политологи разных стран добились внушительных успехов. Существенно возросло количество университетов и кафедр, где она преподавалась, увеличилось число изучающих ее студентов, издаваемых учебников и специальных журналов. В большинстве демократических стран правительства, придавая огромное значение политологии, все больше прибегали к ее научному потенциалу в процессе принятия важных для их стран и для международного сообщества политических решений.

Коммунистическая же партия в политологии по-прежнему не нуждалась, поскольку все фундаментальные вопросы своей системы она решала в узком кругу за кулисами партийных съездов, а встававшие одна за другой проблемы относила к разряду «чужих» и «чуждых», неизменно заключая в кавычки или, на худой конец, сопровождая эпитетом «так называемый», как это было на протяжении многих десятилетий с проблемой прав человека. И это понятно. По запоздалому определению президента Советской ассоциации политических наук Г. Х. Шахназарова, «политология не нужна и даже опасна для авторитарных режимов. В условиях же демократии она становится существенным элементом политической культуры, одним из условий интенсивной политической жизни общества»².

Сегодня в продвижении к демократии мы оказались у разбитого корыта — мы все, кем правила партократия и кого она старательно ограждала от знаний в области истории и теории политических систем, международного права, международных отношений, теории управления и других аспектов политологии, не говоря уже о том, что даже путь в активную партийную политику был заказан огромному большинству людей. С началом процесса перестройки эти искусственно созданные проблемы сразу же дали о себе знать. Так, в Эстонии самыми «посвященными», знающими оказались вдруг те, кто несмотря на неимение адекватной теоретической подготовки прошел суровую школу жизни в тюрьмах и лагерях — диссиденты, создавшие оппозицию той системе, в недрах которой они выросли. Это они открыто заговорили в годы застоя о сути демократии, о правах человека, о международных обяза-

¹ *Morgenthau, H. J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York, 1973, 4—5.*

² Правда, 1988, 26 сент.

тельствах различных стран. Политическая практика позволила именно им первым обозначить символ трагического прошлого и отправную точку будущего переустройства Эстонии — пакт Молотова—Риббентропа, от которого разошлись круги по воде и процесс демократизации в Эстонии стал необратимым для сотен тысяч его участников. Однако имевшие дело в основном с политграмотой массы занялись политикой, по существу не зная, что это такое. Политические партии создавались на умозрительных основах. Члены парламента, демократически избранного парламента, смутно представляли себе повседневные свои права и обязанности, не говоря уже о конкретной работе. Принимали законы, но без учета всех тонкостей правового механизма. Выработывали концепции внешней политики Эстонии, но вне связи с теоретическими положениями формирования международной политики государства, с теорией международных отношений вообще. Это не упрек, поскольку мы знаем, что возможность приобретения таких знаний была исключительно прерогативой центра. Это беда, горький урок нарушения принципа преемственности в знаниях. Патриотизм и энтузиазм заслуживают всяческих похвал, но это далеко не единственные факторы в архисложном искусстве политики.

Многие промахи в политическом поведении новых руководителей республики на разных уровнях были и, вероятно, будут вызваны не приписываемыми им центром и оппозицией националистическо-дискриминационными побуждениями, а именно нехваткой политических и юридических знаний, неподготовленностью к прогнозированию ситуации и, как следствие, неумением уберечься от подводных рифов в политических течениях. Несомненно, на совести многих нынешних политических деятелей Эстонии лежат раскол между эстонским и русскоязычным населением, определенная близорукость в проведении «восточной политики», причиной которых стало не только отсутствие представлений об основах национальной политики государств вообще и о реальной истории русско-эстонских отношений в частности, но и сильный эмоциональный момент — категорическое отрицание всего того, что прямо или косвенно причастно к нынешнему бедственному положению эстонского народа. Людям, воспитанным на марксистско-ленинском учении, не легко сразу отказаться от соблазнительного «революционного разрыва с прошлым». Издержки были неминуемы. Но умение осознавать допущенные ошибки столь же необходимо в политике, как и умение принимать правильные решения. И первое, и второе относятся к числу приобретаемых. Практика, и это показали трагические события января 1991 г. в Литве и Латвии, — великий учитель для политиков, но не менее значительна и роль науки — слово, услышанное и осознанное вовремя, предупредит действие, последствия которого могут оказаться роковыми и для отдельных людей, и для целых народов. В то же время нельзя не отметить, что политология не есть панацея от всех бед в большой политике. Во многих странах мира идет острая конкурентная борьба между политиками и политологами за возможность оказывать влияние на процесс принятия политических решений, причем голос политолога далеко не всегда оказывается решающим, поскольку с политологией там соперничает профессиональная политика, пока отсутствующая у нас. Парламент любой развитой демократической страны состоит из профессионалов, профессиональных политических деятелей, которых не предадут вечному забвению после вынужденного ухода с руководящего поста, а используют приобретенный ими богатый опыт на других участках политических институций государства с тем, чтобы в один прекрасный день они вновь могли оказаться у руля государственной власти. Демократия не может позволить себе монархической расточительности. И это не раз отмечала профессиональная политология.

Politika ja politoloogia tесно взаимосвязаны. В Эстонии между ними пока существует резкий дисбаланс. Практическая политика развивается намного быстрее, чем академическая политология. Во многом сказывается фактор профессиональной привлекательности: действующий политик всегда на виду у масс, в то время как политолог большую часть своего времени проводит под сводами библиотек. Решения, принятые политиком, могут давать мгновенный эффект, а эффективность труда политолога проверяется годами. Но как бы там ни было, в современных условиях одна уже не может существовать без другой. В республике роль политологов пока исполняют философы, историки, журналисты, психологи, экономисты. Это неудивительно. Так бывало и в других странах в первое время после того, как победу одерживали демократические силы. Их богатый опыт показывает, что и для выработки истинно реальной политики, и для появления плеяды собственно политологов требуется время.

Поступила в редакцию
11/II 1991

Peeter VARES

POLIITIKAST JA POLITOLOOGIAST

Kommunismi ideoloogide teoreetiliste käsitluste kohaselt pidi poliitika kui ühiskondliku tegevuse sfäär, mis hõlmab riigivõimu probleeme, kaduma koos riigi endaga kommunismi arengu viimasel etapil.

1985. aastal, kui Nõukogude Liidu uus juhtkond peatas riigis kommunismi ehitamise ja kuulutas välja suuna perestroikale ja glasnostile, jõuti arusaamisele, et oli kiirustatud poliitika tagandamisega ajaloo tagahoovi: Nõukogude inimesed hakkasid üsna ootamatult uuesti tegelema poliitikaga. Eestis sai poliitika tormiline areng alguse alles 1988. aasta kevadsvel, kui Moskva poolt määratud kohalikud juhtivtegelased sunniti tagasi astuma ja areenile tõusid uued rahvuslik-demokraatlikud liikumised. Nende poliitika oli suunatud 1940. aastal Nõukogude sõjalis-poliitilise riigipöörde tagajärjel likvideeritud iseseisva Eesti taastamisele.

Rahvusliku taasärkamise esimestele kuudele — nimetatud idülliliselt laulvaks revolutsiooniks — järgnes argipäeva tegelikkus. Arenesid teravad vastuolud: esiteks põhirahvuse ja viimase 40 aasta kestel tööjõuna Eestisse saabunud venekeelse elanikkonna vahel ning samuti Moskva ja Eesti Vabariigi vahel.

Keskus, ise sünnitanud perestroika, hakkas taganema oma ideaalidest. Kasutusele võeti jällegi kaksikmoraal. M. Gorbatšovi populaarsus kahanes kodumaal kiiresti, kuid ta säilitas siiski märgatava autoriteedi välismaal. Kerkisid küsimused: kes teeb poliitikat Nõukogude Liidus ja missugused on «survegrupid», kes põhjustavad toimuvaid muudatusi Nõukogude poliitika «uues mõtlemisviisis».

Autor on selgitanud ebaefektiivset Nõukogude poliitikat suuremalt jaolt partokraatia püüdega säilitada oma kohad, kuid ka uue juhtkonna võhiklikkusega. Aastaid on partei eitanud nende ühiskonnateaduste (näit. sotsioloogia, rahvusvahelise õiguse ja politoloogia) eksisteerimisõigust, mis võisid avada Nõukogude kodanike silmad partei voluntaristlikule poliitikale ja tema poliitiliste juhtide ebakompetentsusele. Mitmed ühiskonnateadused olid ainuüksi Moskva prioriteediks. Politoloogia saavutas Nõukogude Liidus ametliku tunnustuse alles 1988. aasta novembris.

Autor on vaadelnud läänemaailma politoloogide edusamme perioodil, mil Nõukogude ühiskonnateadlaste ülesandeks oli propageerida L. Brežnevi töid. On näidatud, et kommunistlik partei ei vajanud politoloogiat, see oli autoritaarsele süsteemile isegi ohtlik.

Eestis võib pidada esimesteks politoloogideks neid dissidente, kel oli julgust stagnatsiooniajal avalikult rääkida demokraatiast, inimõigustest ja rahvusvahelisest õigusest. Neile järgnesid entusiastid perestroika perioodil, mil peaaegu kogu rahvas hakkas tegelema poliitikaga. Sellest sündis paradoks: asuti koostama seadusi, omamata kogemusi; looma parteisid, teadmata, mida need endast kujutavad; rajama Eesti välispoliitika aluseid, teades vähe rahvusvahelistest suhetest. Inimestel, kes olid üles kasvatatud marksismi-leninismi põhimõtete järgi, oli äärmiselt raske teha tõelist poliitikat.

Poliitika ja politoloogia on omavahel tihedasti seotud. Siiski areneb praktiline poliitika kiiremini kui akadeemiline politoloogia. Poliitik on alati üldsuse tähelepanu keskpunktis, samas kui politoloog veedab enamiku ajast raamatukogus raamatute keskel.

On puudutatud ka poliitikute ja poliitikateadlaste konflikti Läänes. Poliitikateadlaste võitlust mõjutamaks poliitikat. Politoloogia kõrge tase ei taga mitte alati arukat poliitikat ja ka üksnes entusiasmist jääb väheks. Arukas poliitika peab põhinema tõsistel politoloogilistel teadmistel, kusjuures tuleb arvestada ka selliste ühiskonnateaduste nagu ajaloo, sotsioloogia, majanduse ja teiste alal saavutatud tulemusi.

ON POLITICS AND POLITICAL SCIENCE

According to the theoretical elaborations of the ideologists of communism politics as a sphere of public activity which centers on the problem of state power would have had to vanish together with the state itself at the last stage of the building of communism.

However, when in 1985 the new leadership of the USSR halted the linear development of communism in the USSR and the course of *perestroika* and *glasnost* was proclaimed, there also came an understanding that politics had been sent to the backyard of history too hastily: all of a sudden the Soviet people got again involved in politics. In Estonia the tempestuous development of politics started only in the late spring of 1988 when the Estonian leaders appointed by Moscow were compelled to quit their posts and completely new popular democratic movements came into being. They accepted a policy aimed at the restoration of independent Estonia which had been eliminated as a result of a Soviet military-political coup d'état in 1940.

The first months of national rebirth called the "singing revolution" were followed by everyday realities. They brought about an acute confrontation, first between the indigenous people and the Russian-speaking population who had migrated as labour power to Estonia in the last 40 years and then between Moscow and Estonia.

The center which had initiated *perestroika* was retreating from the ideals advanced by itself. The "dual morality" was again brought into use. The image of M. Gorbachev was rapidly losing its attractiveness at home, while it was still maintaining a conspicuous authority abroad. A question emerged — who was now making Soviet policy? Which were the "pressure groups" that were forming such changes in the "new thinking" in Soviet politics?

The author attributes a major part of the inefficiency of the present Soviet politics to the attempts of party bureaucrats to retain their posts and to the ignorance of the new political leadership. For years the party had denied the right of existence for the social sciences which could open the eyes of Soviet citizens to voluntaristic policies and to the incompetence of their political leaders: sociology, international law, and political science. The latter got official recognition only in November 1988. The author discusses the successes of Western political scientists during the period when Soviet social scientists had to propagate the works of L. I. Brezhnev. He shows that the Communist party did not need political science. In fact, it is pointed out, political science was even dangerous for the authoritarian system.

In Estonia the first "political scientists" were those dissidents who during the period of stagnation dared discuss openly problems of democracy, human rights, and international law. They were followed by enthusiasts in the *perestroika* period when practically everybody got engaged in politics. Then there came a paradox: people started drafting laws without having sufficient training in legal matters, started creating political parties without knowing what they were, started laying the foundations for a future Estonian foreign policy with very little knowledge of international relations. The mentioned disciplines had always been the priority of Moscow. Therefore it was extremely difficult for people brought up on Marxism-Leninism to make real policies.

Politics and political science are very closely interconnected. Still practical politics is developing faster than academic political science. The politician is always in the center of public attention whereas the political scientist spends most of his time with books in the libraries.

The author speaks about conflicts between active politicians and political scientists in the West, about the struggle of political scientists for influencing policy-making. He shows that a high level of political science does not necessarily mean reasonable politics, but he still says that enthusiasm is not enough — sound politics must be based on the learning of political science, and it must also take into account the findings of other fields of social science such as history, sociology, economics, etc.